

Ксения Шевцова
НА юге Москвы

Ксения Шевцова На юге Москвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45102588

ISBN 9785005049094

Аннотация

Маленький. Постсоветский. Первый. Таким получился сборник рассказов Ксении Шевцовой «На юге Москвы». Автор познакомит вас со своими веселыми друзьями, расскажет истории из педагогической практики и из своего детства. Москва простая – такой видит ее автор рассказов. Здесь ничего не изменилось: те же мечтающие дети, те же печальные родители, те же алкаши на лавочках у подъездов. Но в этом есть своя атмосфера, своя добрая атмосфера, которую можно понять только если ты в ней вырос. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Содержание	5
● На юге Москвы	5
● Достопримечательность	6
● Планирование – это важно!	7
На юге Москвы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	28

На юге Москвы

Ксения Шевцова

© Ксения Шевцова, 2019

ISBN 978-5-0050-4909-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание

● На юге Москвы

- **Достопримечательность**
 - **Фотография**
 - **Разговоры на Марсе**
- **Московский метрополитен**
 - **Объятия**
 - **Плакса**
 - **Пособие для тех, кто решил заняться ремонтом**
 - **Утро в поликлинике**

● Планирование – это важно!

На юге Москвы

Мы собрались у входа в метро. Жара испепеляла асфальт острыми лучами, но я не снимала куртку. Класть ее было некуда, а нести в руках не хотелось.

– Это Лида, а это Ксюша, – проговорила Ира, улыбаясь и щурясь от солнца.

– Очень приятно, – сказала я, потому что действительно была рада знакомству. Ира много рассказывала о своей подруге художнице.

Мы шли вдоль железной дороги, где, как и подобает, на пожухшей летней траве распивали водку филевские бомжи. Девочки несли по две сумке, а у меня на плече висел небольшой бархатный рюкзак, на шее – сумка с фотоаппаратом, которая за сумку и не считалась, от чего я немного ощущала себя неловко, но вскоре это прошло, как проходят все неловкие чувства. На дворе стояла середина июля. Прекрасная пора, когда ты в куртке черного цвета.

– Мне совсем не жарко, – уверяла я своих спутниц в светлых футболках.

Поднялся сильный ветер, когда мы проходили вдоль Бородинской панорамы. Где-то высоко шумела листва кленов и уже отцветших лип, а с запада, где стояла небольшая церквушка, несло ароматным хлебом. Разговоры велись о предстоящем интересном дне и о закончившейся учебе.

Вдоль Кутузовского проспекта не по-детски шпарило солнце. Мне даже всерьез захотелось снять куртку. Девочки о чем-то говорили, я точно это слышала, только вот никак не могла разобрать их слов из-за непрерывного потока мыслей о поступлении в институт. Я как раз ждала результатов прошедшего экзамена, и поэтому думала только об этом. По крайней мере, сейчас. Я была уверена, что провалилась. Честно говоря, я всегда так думала. После экзамена по литературе я кричала, что все завалила, что моя работа будет самой ужасной, но все оказалось иначе. Я прошла конкурс, и все никак не могла поверить в это. А друзья как обычно называли меня истеричкой.

Многих раздражали такие люди, и я не была исключением.

Войдя в МЦК, я ощутила долгожданный холодок. Девочки много говорили, и я иногда добавляла свои пять копеек, чтобы они не забывали о моем существовании. Так случалось, что я либо говорила без остановки, либо постоянно молчала, и из меня было невозможно вытянуть и пары слов. Другого, к сожалению, было не дано.

Когда «Ласточка» подошла к платформе, Лида очень удивилась, увидев на дверях кнопки для открытия. «Это такой крутой experience!» – повторяла она. Ее короткие каштановые волосы разлетались в разные стороны от принесенного поездом ветра. В вагоне стояла прохлада, по телу даже проскальзывали легкие мурашки.

Мы покинули запад города, оказавшись в самом центре юга. На Теплом стане нас уже ждал Саша со своим другом. Друга звали Саша, но так как один Саша у нас уже был, то ребята звали его по фамилии – Мурашов. Мы в сравнении с ним представлялись какими-то пятиклассниками, даже Саша был намного ниже его. Создавалось впечатление, что Мурашов отец-одиночка, который пришел в местный торговый центр «выгулять» своих возбужденных детишек.

– Нам нужно взять хлеба, колбасы, – Саша задумался, потерев подбородок.

– И пива! Надо взять пива! – громко заявил Мурашов.

– У нас и без того его много будет, куда еще?

– Я дома хочу выпить.

Мурашов направился в отдел алкоголя, а мы с Лидой пошли искать доширак.

– Господи, я весь день о нем думаю! – сказала она.

– Теперь и я из-за тебя хочу доширак!

Вообще я не любила вредную пищу, но от доширака я никогда не отказывалась и не смогла бы отказаться. Как и от газировки.

Мы взяли белые коробочки и пошли искать ребят. Они стояли в отделе с посудой, в руках Мурашов держал голубую стеклянную кружку, на многочисленных гранях которой отражался теплый свет магазинных ламп.

– Может быть тебе подарить кружку? – спросил он у Иры.

– Да не нужна мне кружка, – с нервной усмешкой ответила

девушка, оглядываясь по сторонам.

Пару секунд Мурашов стоял в растерянности в руках с несчастной кружкой, затем он быстро повесил ее на место, глаза его широко открылись, он поднял вверх указательный палец и громко заявил, что знает, что нужно Ире. Вчера ей исполнилось девятнадцать лет, и сегодня мы собрались, чтобы отметить праздник. Ира рассказывала, что хорошо отмечала дни рождения только в детстве, когда жила на Украине. После переезда в Москву, друзей у девочки практически не было, а родителям приходилось много работать. Последний день рождения Ира провела так: пошла в кино с подружкой, а после, вернувшись домой в начале ночи сразу после окончания сеанса, родители устроили имениннице взбучку, после которой сели есть торт.

– А потом мы с моей бывшей женой решили завести птичку, – продолжал свой рассказ Мурашов.

– И где сейчас эта птичка? – поинтересовалась Лида.

– Она сдохла, потому что я много курил на кухне, – покачал головой Мурашов.

– Она не прожила с ними даже месяца! – заметил Саша.

– Давайте не будем об этом, – повернулся Мурашов, заходя в книжный магазин. Здесь я оставила своих спутников, пробравшись вглубь магазина, где стояла русская классическая литература и современная проза. Пока я листала недавно выпущенные издания, Мурашов выбрал подарок для Иры. Это была толстая книга в твердой обложке, на кото-

рой изображалась картина Боттичелли «Рождение Венеры». Придя домой, Ира, увидев в книжке чек, который положила милovidная синеглазая кассирша, ахнет от стоимости. А пока Мурашов оплачивает покупку, говоря, что с зарплаты он потратил еще не все деньги, так что ему, возможно, хватит, чтобы купить замечательный розовый чайник, который ему приглянулся в местном Оби.

– Ну чем этот чайник отличается от того, который у тебя дома?

– Он же РОЗОВЫЙ!!!

Выйдя из торгового центра, ребята тут же потянулись к своим карманам за сигаретами.

– Ого, у Мурашова появилась своя пачка, в кои-то веки у него нашлись деньги, – пропел Саша, останавливаясь, чтобы зажечь сигарету.

– Вообще-то не нашлись, а я их заработал своим честным трудом!

– А кем ты работаешь? – поинтересовалась Лида, когда мы заходили в слабо освещенный тоннель.

– Угадай. Слово из трех букв, – ухмыляясь, ответил парень.

– Не уж то ФСБ? – удивилась художница.

Ребята дружно рассмеялись.

– Нет, гадай дальше.

– МЧС?

– Тоже нет.

– Ладно, Сань, хватит ее мучить! Скажи уже.

– Я работаю, – Мурашов сделал паузу, смачно затянувшись сигаретой, – в РЖД.

– Ого! – удивилась Лида, и ее глаза стали еще больше, чем когда она увидела кнопку на двери «Ласточки». – И чем же ты там занимаешься?

– Ну, грубо говоря, общаюсь с ящерами. Ящеры – это те полудурки, которые ходят в МЦК с металлоискателями и просят тебя сумочку на ленту положить. Ненавижу их. Буа-а, – Мурашов вздрогнул.

– И чем же они тебе так досаждают?

– Своим существованием! Сижу я, значит, в конторе, звонит мне ящер, чтобы я его пропустил, я пропускаю, а он трубку не вешает. И так каждый! Как будто сам догадаться не может, что после щелчка нужно трубку повесить. Но нет! Он стоит и молчит, и пока ты ему не крикнешь «Положи трубку, урод!», он ее не положит, – отчеканил парень, будто заранее продумал свой ответ.

Мурашов отличался крайней эмоциональностью и харизматичностью. Они вместе с Лидой были похожи по темпераменту, оба очень разговорчивые и веселые, с отличным чувством юмора. Расходилось разве то, что Лида, в отличие от Мурашова, не признавала абсолютно никаких физических границ другой личности. Мурашов говорил, что это единственный человек, который в первый же день знакомства схватил его за ногу. Но он вроде как был и не против.

Дойдя до дома, мы разделились: я, Саша и Ира пошли в квартиру, а Лида с Мурашовым за пивом.

– Пива много не бывает! – говорил он.

Квартира принадлежала общим друзьям Мурашова и Саши – Насте и Августу, которые уехали отдыхать, и попросили ребят присмотреть за пушистыми котиками. В этой квартире, помимо пары котов и человек, проживал Мурашов.

Переобуться нам пришлось не заходя в квартиру. Саша предупредил, что коты могут нагадить в кроссовки.

– Осторожно, не наступите сюда, – сказал он, когда мы заходили в прихожую. На полу красовался до краев полный шлепок.

– Кто это сделал, а? Кто, скажи мне! – обратился парень к животному с труднопроизносимой кличкой.

Кот лишь жалобно мяукнул, после чего Саша бросил его на пол и тот с испуганным криком кинулся в комнату.

Мне стало жалко котика, но это, наверное, потому что шлепок был не мой. Саша аккуратно взял грязную обувь и пошел мыть. Мы с Ирой уселись на кухне. Квартирка была маленькая, но очень уютная. Весь холодильник был усеян магнитами и стикерами с героями различных мультфильмов и музыкальных групп. На широком дубовом столе стояли две полные пепельницы, одна из которых была в форме человеческой головы. Серое лицо, как и пепельница, отталкивало своими чересчур выпуклыми, точно набухшими как у утопленников, закрытыми глазами. Помимо пепель-

ниц, чашек с недопитым чаем и пачки сахара, по всей площади стола гармонично разложились разноцветные зажигалки вместе с одинокой пачкой цветных спичек, очевидно купленных только из-за красоты.

Я села на угловой светло-серый диван, а Ира первым делом стала мыть чашки. Она терпеть не могла беспорядок, даже если он был не в ее квартире. Мне иногда казалось, что ей доставляло удовольствие приводить в порядок окружающий мир. «Проснулся, привел в порядок себя. Приведи в порядок и свою планету», – как говорил Маленький принц.

Вскоре пришли Мурашов с Лидой.

– Мы купили восемь литров пива! – торжественно поставил нас перед фактом он.

– Как хорошо, что я не пью. Посмотрю, как вы будете бегать каждые пятнадцать минут в сартир, – посмеялась я.

– Зато организм прочистим!

– Итак, у нас есть, – Мурашов опустил глаза в пакет с бутылками, – вишневый шампань, яблочный сидр, лакинское и... особое поручение!

– Такое, кстати, только в нашей пивнушке продается, – сказал Саша, наливая чай.

Рядом с Лидой стояла старая гитара, на которую тут же перебросил все внимание Мурашов.

– Сань, а сыграй нам что-нибудь, – протянул он другу музыкальный инструмент.

Саша взял гитару, покрутил ее, брякнул струной и про-

ворчал, что не будет играть, потому что не умеет. Вернув гитару Мурашову, он достал из кармана пакетик с табаком и, отойдя от стола, начал заниматься самокруткой.

Тонкими пальцами Мурашов перебирал струны слегка расстроенной гитары и, вспомнив, что играть он тоже не умеет, отложил ее. Он подошел к микроволновке, на которой стояла стеклянная бутылка пива. Покрутив ее, парень сказал:

– А ты, Саня, – засраня.

– С чего это вдруг?

– Мою «Балтику» так в холодильник и не поставил.

– Ну, ничего, – замялся Саша. – Тепленькое попьешь.

Мурашов сморщился. На кухню приполз один из котов, прошел под столом и остановился в ногах у Лиды, с любопытством рассматривая ее зеленые носки с авокадо. Это был тот самый кот с труднопроизносимой кличкой. Вид он имел довольный, но всячески пытался это скрыть, чтобы никто не напоминал о его мокрых проделках. Ира пила только что заваренный чай, Саша курил, и в тишине был слышен треск его самокрутки. Мурашов перелил пиво в прозрачный высокий стакан. У него была коллекция стаканов, и каждый он использовал для определенного напитка. «А еще у меня есть коллекция шарфов и музыкальных инструментов, на которых я еще не умею играть», – говорил он.

– Ир, когда мне лучше подарить тебе подарок? – прервала затянувшееся молчание Лида.

– Да можешь сейчас. Саша мне уже подарил.

– Ох, как я мог это пропустить! – воскликнул Мурашов.

Лида достала белый подарочный пакет и вручила его Ире, чмокнув при этом ее в щеку. Именинница заулыбалась и сразу же полезла смотреть содержимое. После я вручила ей подарок.

Мурашов сделал большой глоток из своего победного стакана:

– Как же прекрасно, однако, что мы все здесь сегодня собрались, – сказал он, взглянув в окно напротив. Видок и правда был достойным внимания. Квартира Насти и Августа располагалась на шестнадцатом этаже. За стеклом, на склоне мирно лежали многоэтажные дома, уходившие вдаль, в сторону леса. С левой стороны находился пустырь, плавно поднимающийся вверх и переходящий в еще один небольшой лесок. Погода стояла пасмурная, по небу лениво плыли серо-голубые облака, намекая о собирающемся дожде.

– Как, вы не знаете эту песню?! Я на ней вырос! – удивлялся Саша.

– Ну, давай, Ир, угадай. Ты точно ее знаешь, – твердил Мурашов.

– Мне проще: никогда ее не слышала, – рассмеялась Лида.

– Нет, ну я ее точно где-то слышала... но не помню где.

– Это же Эванессанс!

После еще некоторого времени обсуждения аниме и му-

зыки, Саша спросил:

– Ну, так что мы решили? Едем на дачу?

– Конечно!

– Тогда почему мы не собираемся?

– Действительно, Саша, почему это мы не собираемся? – поинтересовался Мурашов.

Саша сделал удивленные глаза, и молча несколько минут смотрел на своего друга. Он принес рюкзак, и стал нагружать его пакетами с соком, купленными специально для непьющих гостей.

– Видишь, Ксюш, это все для тебя, – сказала Ира, указывая на пять пакетов.

– Ну, куда вы столько набрали? Как Саша это потащит?

– Вот мне самому интересно, как Саша это потащит, – ответил Саша.

– Стойте, давайте перекурим, – предложил Мурашов.

– Если мы будем каждые пять минут делать перекуры, то вообще никуда не приедем.

Лида продолжала гладить котика, снующего между ее ног, а Ира потянулась к подоконнику.

– Что это? – она взяла в руки миску с непонятными багрово-коричневыми кругляшками.

– О, это печенье. Дима как его приготовил, так сразу и уехал.

– А из чего оно? – спросила Лида, любопытно глядя в миску.

– Из конины. Можете попробовать, оно, наверное, еще даже не испортилось.

Девушки понюхали содержимое миски и взяли по одному кружочку. Ира предложила попробовать и мне, но я отказалась. Печенье походило на деревянную, слегка тянущуюся колбасу.

Заиграла тяжелая музыка, и Саша, достав из кармана смартфон, ответил на звонок.

– Да... да, все нормально, вот уже собираемся. Да, котов покормил, – он прислонил смартфон к груди и шепнул Мурашову:

– Сань, котов покорми.

– Что? В смысле? – продолжил он разговаривать. Взгляд его падал на стол, он вычистил пепельницы; лицо его сделалось то ли удивленным, то ли расстроенным. – Я не знаю, мам, мы решать сейчас будем, – он посмотрел на Иру.

– Что случилось? – спросила девушка, но вопрос остался без ответа.

– Да, хорошо мам. Давай, пока.

Саша небрежно положил гаджет, тяжело вздохнул и, все также бессмысленно смотря в стол, сказал:

– На дачу приехал дядя Витя.

– У-У-У!!! – Мурашов встал со стула и принялся ходить кругами так, как позволяла это делать маленькая кухонька. – Нет-нет, он не будет с нами пить, пожалуйста, скажите мне, что он не будет с нами пить! Я не хочу слышать о том, как

он управляет погодой и бла-бла-бла.

– А кто это такой? – спросила Лида, вытянув свою длинную шею и продолжая гладить молчаливого кота.

– Лучше тебе не знать, – бросил Мурашов.

– Дядя Витя – маг-погодник, – пояснила Ира. – Он утверждает, что умеет управлять дождями, ветрами и всем подобным. Он находится в контрах с собаками, потому что, как он говорит, собаки не любят магов-погодников.

– А еще он никогда ничего не ест и не пьет. Питается исключительно «Беломорканалом» и «Балтикой».

– Однажды, когда я была дома у Саши и помогала ему с ремонтом, пришел дядя Витя и начал показывать мне какую-то книгу. На обложке было написано что-то типа «Семья по знакам зодиака», старая такая книженция, потрепанная. Обложка еще у нее ярко-голубая была с какими-то вырвиглазными рисунками, какие обычно бывают на всяких трэшových русских детективах или сентиментальных романах начала двухтысячных. Витя попытался мне ее втюхать, а потом сказал: «Только ты потом верни! А то знаю я вас!».

– Короче говоря, – подытожил Мурашов, – если мы поедем туда, то этот шизофреник может увязаться за нами и пить наше любимое «особое поручение»!

– Не позволим!

– Вообще мы можем остаться и здесь, в квартире.

– А тебе, Саша, разрешали здесь устраивать что-то?

– Нет. Но мы можем никому ничего не говорить. Да

и вероятно, что после нас квартира останется целой, мы же не планируем распивать крепкий алкоголь, верно?

– А шашлыки мы где жарить будем?

– Ну, теоретически можно в лесочке или в Битце.

– В Битце точно не вариант, там менты ходят.

– А мангал у нас есть?

– Нет, но можно какой-нибудь в «Пятерочке» на один раз прикупить.

– Так-то мангал есть на даче.

– Поедем на дачу, возьмем мангал, – рассмеялась Ира.

– Ага, и вернемся!

– А спать как мы будем?

– Ну, ты с Ирой в большой комнате, девочки в маленькой.

– А ты где?

Мурашов задумался.

– Нет, ребят, это совсем не вариант, – сказала Ира, допивая чай.

– Ну а что нам тогда делать? Слушать психоистории Вити что ли?

– Нет, я точно не собираюсь пить с Витей. Я его не перевариваю.

– Он еще и к девочкам по-любому приставать начнет. Нет, остаемся, – отмахнулся Саша.

Помолчали. Саша вновь закурил, а Мурашов опустошил свой огромный стакан и сидел, медленно глядя струны старой гитары. Пользуясь случаем, я достала фотоаппарат

и запечатлела эту картину. Картину внешнего спокойствия, но внутренней борьбы. Борьбы за верное решение.

– Ну, так ребят, что мы решили? – спросил Саша, докурив.

– Поехали на дачу, чего уж, – сказала Лида.

Мы с Ирой поддержали эту идею.

– А Витя? – тихо спросил Мурашов.

– Да хуй с ним, с Витей.

– Но он же наше пиво захочет выпить!

– Мы скажем, что у нас нет пива, что это лимонад, – хотала Ира.

Разговор плавно перешел на музыкальную тему. Говорили о старых песнях, об Элвисе Пресли, о Битлах. Лида признавалась в своей любви к Квин, а Мурашов в том, что больше не слушает Билтз. Затем заговорили о еде. Обсудили жареный лук на мангале. Молчали, вслушиваясь в мужской баритон, ровно наложенный на томную игру струнных инструментов.

– Значит, что сейчас ехать на Теплый стан, – прервал молчание Мурашов. – Тридцать восемь рублей по карте МастерКард. Оттуда ехать на дачу, еще тридцать восемь рублей по карте МастерКард. Ехать на автобусе в субботу, – он выделил слово «суббота», – когда весь автобус заполнен. Стоять полтора часа.

– Полтора часа?!

– ПОЛТОРА ЧАСА??! – Нет!! – В СМЫСЛЕ??

– Да нет же!! Час – это максимум. Без пробок так вообще

минут сорок пять, – пояснил Саша.

– Стоять сорок пять минут... – протянул Мурашов.

– Да какой нахуй стоять...

– Кто кроме нас хочет на дачу к дяде Вите? Прально, никто!

– Да я хочу на дачу на самом деле, это я так ломаюсь.

Но Витя... Витя – это, конечно...

– Витя – это тот человек, над которым можно поржать, – продолжил Саша. – Он просто обидится и уедет домой, я тебе серьезно говорю.

– Ага, он может обидеться и насрать на нас тучу.

Все посмеялись. Ребята распили пиво. Ира сказала, что пора завязывать с алкоголем. Все согласились, но продолжили пить. Я допила свой чай. Саша старательно собирал рюкзак, который ему с трудом удалось взвалить себе на плечи.

Все время, пока мы шли, Саша плелся где-то позади, и мы останавливались, чтобы подождать бедолагу. Казалось, что в этом рюкзаке сидел целый человек, причем взрослый и довольно полный, а не пакеты с соком, мясо для шашлыка и прочие прикамбасы.

Проехав одну станцию, мы вышли из метро, дошли до автобусной остановки, и Саша наконец смог сбросить этот дурацкий рюкзак. Парни пошли курить, а мы остались стоять и обсуждать людей на рекламном плакате. Мужчина, женщина и ребенок рекламировали очередную зубную пасту. Конечно, отбеливающую. Конечно, натуральную. Конечно, нет.

– Этот мужик как минимум похож на педофила, – утверждала Лида.

– Только посмотрите, у него же очки неровно сидят на носу! – громко говорила я.

Очки в черной оправе и без того ужасно смотрелись на лице мужчины, а еще были кривыми. Зубы троих с плаката ослепляли своей неестественностью, явно отпугивая потенциальных покупателей. Женщина выглядела еще более-менее адекватной, как и ребенок, поэтому оторвавшись на несчастном мужике-педофиле, мы перешли к обсуждению другого плаката.

На нем изображалась большая семья: парень и девушка, и, видимо, родители кого-то из них. Молодая пара довольно естественно смотрелась на снимке, что нельзя было сказать о других персонажах. Рука дамы имитировала прикосновение к животу мужа, а лицо ее говорило что-то типа «Ну когда это уже кончится, господи боже мой!».

Никогда не понимала этих людей с рекламных плакатов. До какой степени нужно разочароваться в окружающей действительности и в себе, чтобы согласиться на такое? Или, быть может, люди идут на это только ради денег? Нет, постойте, проституток я могу понять, да (на самом деле не могу, но предполагаю, что могу после просмотра таких фильмов как «Молода и прекрасна» и «Эскорт»), могу понять воров, но людей, которые сверкают своими оффотошопленными зубками, рекламируя очередной ненужный продукт,

я не могу. Мне кажется, что если какой-нибудь задрипанный менеджер подойдет к тому же бомжу Василию, живущему около станции пригородных поездов, и предложит сняться в рекламе, то бомж Василий обольет его новенький костюмчик горячей мочой, потому что предложить сняться для рекламы – самое унижительное оскорбление, которое существует на свете.

Когда подошел автобус, каждый из нас думал только о том, чтобы успеть занять местечко. Я, будучи маленькой и юркой, проскользнула мимо, кажется, не одного десятка бабулек, и в итоге мне удалось занять отличное место около окна. Моим спутникам повезло чуть меньше: Саша занял одно место, и посадил Иру, а Лиду с Мурашовым вовсе затолкали люди с большими сумками, и они остались стоять в начале салона.

Время пролетело незаметно. Я проснулась, когда меня позвала Ира.

– Уже выходим? – удивилась я.

Мы очутились на хорошей асфальтированной дороге около шоссе. Впереди простиралось зеленой скатертью ровное поле, за которым еле виднелся маленький густой лесок. Как и обещали синоптики, пошел дождь. Сначала по траве, а потом и по грязи мы бежали к машине.

Саша сел на переднее сиденье, а мы вчетвером кое-как уместились сзади (Ира с трудом захлопнула дверь). Дождь усилился, Саша поблагодарил мужчину, любезно согласив-

шегося нас подвезти. Как я поняла, это был сосед. Когда он обернулся к нам, я рассмотрела его лицо. Это был простой деревенский мужик со смуглой кожей; когда он говорил, зубы его отдавали блеском желтого металла. Глаза у него были добрые-добрые, а деформированный нос с небольшой вмятиной на спинке говорил о когда-то плохо сросшемся переломе.

Машина плавно неслась по дороге, но иногда кочки давали о себе знать. Я чувствовала себя прекрасно, находясь почти за пятьдесят километров от Москвы, сидя в незнакомой машине, в которой пахло лошадиным навозом, и по крыше которой отчаянно барабанил дождик. По стеклам тоненькими струйками стекала вода, размывая долгое поле и лес, к которому мы подъезжали. Дорога с односторонним движением походила на бесконечное лицо подростка, усыпанное прыщами — лужами, которые взрывались от колес автомобиля.

Мы подъехали к высокому железному забору, наверху сидела табличка «СНТ Бабенки». «Бабенки? Seriously?» — пронеслось в моей голове. Мне, как и каждому человеку, приходилось сталкиваться со смешными названиями, но мне, в отличие от большинства людей, не приходилось такие точки посещать.

Машина остановилась. Мы вышли и проскользнули в калитку. Дождь уже закончился, небо просветлело и потихоньку начинало показываться солнышко. Кроссовки промокли. Нас встретила мама Саши, маленькая полная женщина,

которая была крайне приветлива с нами. Она обняла нас и попросила чувствовать себя как дома. Мы расположились на диванчике на веранде. Ребята принялись готовить мангал, а мы разгружали Сашин рюкзак. Тетя Оля пошла в дом, а мы расселись на белых пластиковых стульях и закурили. Саша частенько поглядывал в сторону двери, ведущей в дом. Когда послышался глухой топот, он потушил сигарету. Мама Саши поинтересовалась, как мы доехали. Мурашов вальяжно сидел и, отвечая на вопросы за всех, затягивался сигареткой.

– Сань, ты вообще помогать мне будешь? – поинтересовался Саша у своего друга.

– Да-да, – ответил парень, медленно поднимаясь.

Саша уже насаживал скользкие куски свинины на шампуры.

– Однажды, когда мы у нас делали шашлыки, – начал рассказывать Мурашов, – мама насквозь проткнула себе шампуром ладонь.

Лида поморщилась. Ира оголила свои кремовые зубы. Она сидела на диване и готовила рулетики из лаваша, сыра, зелени и помидоров. Я тем временем нарезала лаваш на небольшие кусочки, чтобы внутрь поместилась начинка. Руки перед едой так никто и не помыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.